

Литературно-исторические истоки темы плача в «Поэме о Йусуфе»

О. В. Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Одно из наиболее известных произведений литературы на алjamiado (литературы на испанском языке в арабской графике) – «Поэма о Йусуфе» (исп. *Poema de Yúçuf*). Поэма написана неизвестным автором-мориском в кон. XIII – нач. XIV в. Основана на наиболее распространенном в среде морисков сюжете двенадцатой суры Корана. В поэму включена, однако, сцена плача у могилы, которая отсутствует как в Коране, так и в Ветхом Завете. Несмотря на преследования испанской инквизиции, «Поэма о Йусуфе» сохранилась в нескольких списках. До середины XIX в. она считалась исследователями-литературоведами и лингвистами оригинальной для алjamiado, но позднее было установлено, что своим появлением она обязана влиянию иудейских апокрифов. Позднейшими исследователями, среди которых особенно выделяется Р. Менендес Пидаль, был вынесен суровый приговор оригинальности как исследуемой сцены, так и поэмы вообще. Тем не менее в сцене у могилы прослеживается не только влияние коранической традиции или ветхозаветных апокрифов, но и традиций арабской доисламской поэзии, получивших развитие в аль-Андалусе. Благодаря публикации Дж. Тикнора она получила широкую известность как уникальный образец «амальгамы элементов восточной и западной цивилизации, которые позже были отражены в испанской поэзии» [Ticknor, 1851. P. 105].

Задача данного исследования – показать это влияние.

Кроме того, на «Поэму о Йусуфе» повлияли традиции христианской литературы. Хотя оригинальность поэмы оспаривалась рядом исследователей, ее автор, несомненно, создал трогательный образ главного героя, отличный от образа героя «Песни о моем Сиде», написанного столетием раньше.

Ключевые слова

Поэма о Йусуфе, арабо-испанская литература, литература на алjamiado, тема плача, поэзия аль-Андалуса

Для цитирования

Тихонова О. В. Литературно-исторические истоки темы плача в «Поэме о Йусуфе» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 146–158. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-146-158

Features of Arabic Scripts in Aljamiado Manuscripts

Oxana V. Tikhonova

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Abstract

One of the most famous works of aljamiado literature (literature in Spanish in Arabic script) is the Poem of Yusuf ("Poema de Yúçuf" in Spanish). The poem was written by an anonymous Morisco poet at the end of the XIII – the beginning of the XIV centuries. The poem is based on the most common plot among the Moriscos – the twelfth sūrah of the Qur'an. The poem includes a scene of lament at the grave, which is not found either in the Qur'an or the Old Testament. Researchers of the middle nineteenth century considered the scene original. However, later it was defined that the scene had appeared due to the influence of the Jewish apocrypha. Modern researchers called into question the originality of the scene and the poem itself. Nevertheless, in the lament scene, we can trace not only the influence of the

Qur'an or the Old Testament Apocrypha, but also the traditions of pre-Islamic Arabic poetry [A1], which were developed in Al-Andalus. The objective of this study is to show this influence.

Undoubtedly, the author of The Poem of Yusuf created a touching image of the protagonist, which was appreciated by the Moriscos. The beginning of the poem was borrowed by the author from another aljamiado poem. Despite the persecution of the Spanish Inquisition, the poem has survived in several copies. Together, they represent a combination of traditions of Islamic, pre-Islamic and Christian versification. The article also contains the text of the lament at the grave in the original (Arabic) script and its scientific transcription by V. Menendez Pidal. It also includes a modern Spanish translation made by G. Ticknor. Thanks to his publication, the poem became known as a unique example of “amalgam elements of Eastern and Western civilizations, which were later reflected in Spanish poetry.”

Keywords

Poem of Yusuf, Arabic-Spanish literature, Aljamiado literature, lament theme, poetry of al-Andalus

For citation

Tikhonova, Oxana V. Features of Arabic Scripts in Aljamiado Manuscripts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 146–158. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-146-158

قَالَ إِنَّمَا أَنشَكُو بَيْتِي وَخَزَنِي إِلَى اللَّهِ

Коран 12:86¹

Введение

«Поэма о Йусуфе»² (исп. Poema de Yúçuf) – одно из наиболее известных произведений литературы на алхамиадо (т. е. литературы на испанском языке в арабской графике [DRAE, 2014. P. 108; Montaner Frutos, 2014. P. 45]). Исторически необходимо, однако, различать «два алхамиадо»: «Первый – мосарабский алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников, поскольку литература в это время создавалась еще на латинском языке, так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка задокументирован плохо. Единственные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычных *мувашишах*. <...> Второй алхамиадо – алхамиадо *морисков*, то есть испанских мусульман эпохи Реконкисты... <...> На этом алхамиадо существует обширная литература» [Воевуцкий, 1987. С. 55]. Морисками (исп. moriscos) называли тех мусульман, которые по окончании Реконкисты были крещены и оставались жить в Испании [DRAE, 2004. P. 1496]. Необходимо, однако, уточнить, что хотя речь и идет о мусульманах, принявших христианство, в тайне они все-таки продолжали исповедовать ислам, иначе говоря, оставались криптомусульманами.

«Поэма о Йусуфе» написана неизвестным автором-мориском в кон. XIII – нач. XIV в. [Menéndez Pidal, 1982. P. 340]. Отличительная черта литературы на алхамиадо – ее анонимность. После того как в 1564 г. Валенсийские кортесы запретили использование арабского языка «письменного и устного», и аналогичного запрета на территории кастильской короны, объявленного Филиппом II в 1567 г., инквизиция устремилась на поиски следов использования арабского языка, поскольку для нее он ассоциировался с тайной практикой ислама. Любой владеющий книгами, написанными в арабской графике, обвинялся в ереси [García-Arenal, 2014. P. 57–58]. Так, только на территории Сарагосы 409 из 900 процессов инквизиции над морисками были связаны с наличием у них книг на арабском [Montaner Frutos, 2014. P. 45].

Уже к середине XV в. мориски забыли арабский язык настолько, что пришлось переводить на Коран испанский. Первым считается перевод 1455 г., сделанный Исой де Джабиром, факихом мусульманской общины г. Сеговии (см. [Тихонова, Шакунова, 2019]). Многие

¹ «Он сказал: “Я жалею на свою скорбь и печаль Аллаха”» (араб.). Здесь и далее текст Корана приводится в переводе И. Ю. Крачковского [1990].

² В данной статье применяется транслитерация на русский имен собственных, принятая в современной арабистике.

книги морисков были написаны не на арабском, а на испанском, но в арабской графике (т. е. на алхамиадо), сделавшейся знаком их инокультурной принадлежности.

Текстология «Поэмы о Йусуфе»

Несмотря на преследования инквизиции, «Поэма о Йусуфе» сохранилась в двух списках. Первый (Ms. 11/9409; ранее T 12) находится в библиотеке Королевской академии истории; он был издан и прокомментирован Рамоном Менендесом Пидальем [Menéndez Pidal, 1902]. Датируется сер. XIV – нач. XV в., содержит 9 листов. Список был найден в пещере недалеко от Сарагосы, где был спрятан вместе с оружием [Menéndez Pidal, 1902. P. 1–2]. Вторым (Ms. Res. 247³; ранее Gg. 101), который хранится в Национальной библиотеке Испании, был издан и описан Генрихом Морфом [Morf, 1883]. Он датируется XVI в. и включает 49 листов [Barletta, 2014. P. 215]. Этот список в сер. XVIII в. был ошибочно определен востоковедом Мигелем Касири как манускрипт «на персидском языке», что неоднократно случалось с рукописями на алхамиадо [Gayangos, 1856. P. 418]. Р. Менендес Пидаль издал этот текст на алхамиадо с транскрипцией на испанский, Г. Морф – только на алхамиадо. Позднее Микаэль Шмитц⁴ издал текст, опубликованный Г. Морфом, в транскрипции и переложении на испанский [Schmitz, 1901].

Обе рукописи написаны магрибским почерком, характерным для Испании, но отличным от африканского. Испанский вариант магрибского почерка отличается от принятого на востоке: кроме прочего, *қāf* (ق) пишется с одной точкой наверху (ف), а *фā'* (ف) также с одной, но внизу (ـ). Однако Г. Морф, а после и Р. Менендес Пидаль восстанавливают восточное начертание при подготовке публикаций [Menéndez Pidal, 1902. P. 2], возможно, потому, что в типографском наборе не было нужных знаков.

Помимо указанных двух списков, сохранился также отрывок из поэмы (четыре строфы) на одном листе (Ms. 11/9416) в библиотеке Испанской академии истории, что свидетельствует о том, что, возможно, существовал еще один список поэмы (см. его описание [Galmés de Fuentes, 1998. P. 145–146]). Все списки, однако, неполные. При этом зачин поэмы сохранился только в раннем списке (Ms. 11/9409) (см. [Тихонова, 2018]).

Произведение получило широкую известность благодаря публикации Джорджа Тикнора, который озаглавил произведение *Poema morisco aljamiado de José el Patriarca* (исп. «Поэма морисков на алхамиадо о Хосе Пророке») [Ticknor, 1856. P. 247]. Этот текст позднее был издан в книге *Poetas castellanos anteriores al siglo XV* (исп. «Кастильские поэты до XV в.») под адаптированным названием «Поэма о Хосе» (исп. *Poema de José*) [Sánchez, Pidal, Janer, 1864]. Оригинальное же название поэмы сохранилось в раннем списке: *Alhadīç de Yüçuf* (исп.-араб. *حديث دا يوسُف*), т. е. «Рассказ о Йусуфе»⁵.

Литературные истоки и влияния (внутренние и внешние)

Влияние Священного Писания и апокрифов

«Поэма о Йусуфе» основана на сюжете двенадцатой суры Корана. После названия поэмы следует фраза «*Alayhi Aṣṣalam*» (исп.-араб. *عَلَيْهِ السَّلَام* – «мир ему») – стандартное арабское славословие, которое встречается при упоминании пророков – и формула «басмала» (араб. *بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ* – «Во имя Бога милостивого и милосердного»).

Начальные две строфы поэмы представляют собой парафраз первой суры Корана («Аль-Фатиха»): *الْحَمْدُ لِلَّهِ رَبِّ الْعَالَمِينَ* (араб. «хвала Аллаху, Господу миров»). А словосочетание *loamiento ad Allah* (исп.-араб. «Хвала Богу») – это перевод на испанский второго *аята*. Его

³ Ms. RES/247 (bdh0000196070). *Poema de Yüçuf*: URL: <http://bdh.bne.es/bnearch/detalle/bdh0000196070>.

⁴ Р. Менендес Пидаль ошибочно отсылает к 9 тому издания *Romanische Forschungen* [Menéndez Pidal, 1902. P. 39], работа М. Шмитца была опубликована в 11 томе.

⁵ Такое название было характерно для литературы на алхамиадо. Так, в рукописи, содержащей список «Поэмы о Йусуфе», следующее произведение называется *Alhadīç de Ibrehim* (исп.-араб. «Рассказ об Аврааме») [Galmés de Fuentes, 1998. P. 83].

вариант – las loores son ad Alláh (исп.-араб. «Хвала Богу») ⁶ – это также распространенное арабское славословие. Им принято начинать не только сочинения теологического или научного характера, но и художественные. Как и в «Поэме о Йусуфе», это славословие следует обычно после формулы «басмала».

Поэма о Йусуфе	
В переложении Дж. Тикнора [Ticknor, 1856. P. 247]	В переводе на русский (О. Т.)
Строфа 1	
Loamiento ad Alláh; el alto es y verdadero, Honrado é cumplido, señor dereiturero, Franco é poderoso, ordenador sertero.	(исп.) Хвала Богу, высок Он и истинен, Честный и целостный, господин справедливый, искренний и могущественный, безукоризненный правитель.
Строфа 2	
Grande es el su poder, todo el mundo abarca; Non se le encubre cosa que en el mundo nasca, Siquiera en la mar ni en toda la comarca, Ni en la tierra prieta ni en la blanca.	Велика власть Его, весь мир объемлет. Ничто не утаится от него, что рождено в мире, даже ни на море, ни во всей местности, ни на земле черной, ни на белой.

Есть основания предполагать, что эти стихи были очень популярны в среде морисков, ибо зачин был даже позаимствован неизвестным автором поэмы *Alabanza de Mahoma* (исп. «Восхваление Магомета») [Menéndez Pidal, 1902. P. 60].

Восхваление Магомета	
В переложении Дж. Тикнора [Ticknor, 1856. P. 327]	В переводе на русский (О. Т.)
Строфа 1	
Las loores son ad Alláh, el alto, verdadero, Honrado y cumplido, Señor muy derecho, Señor de todo el mundo, uno solo y señoero, Franco, poderoso, ordenador sertero.	(исп.) Хвала Богу, высок Он, истинен, Честный и целостный, господин справедливый, Господин всего мира, один единый, искренний, могущественный, безукоризненный правитель.

Сам сюжет об Иосифе Прекрасном был наиболее распространенным среди морисков. Эта история существовала в бесконечных вариантах устной традиции [Gayangos, 1856. P. 421]. Кроме «Поэмы о Йусуфе» до наших дней дошел «Рассказ о Йусуфе» (исп. *Recontamiento de Yūsuf*), написанный в прозе на алхамиадо [Tottoli, 2014. P. 201].

Несмотря на то что исследователи часто сводят происхождение «Поэмы о Йусуфе» к двум источникам – Корану и Библии, – в тексте прослеживаются и другие влияния, в том числе комментариев к этим книгам [Menéndez Pidal, 1902. P. 57–60]. Так, библейская история дополнялась иудеями в апокрифах, которые в свою очередь подверглись мусульманскому влиянию [Menéndez Pidal, 1902. P. 59]. Много деталей внес Ка'б аль-Ахбар (? – 652/655), иудей, принявший ислам ⁷. Ка'б аль-Ахбар считается автором «Рассказа о Йусуфе» [Tottoli,

⁶ См., например, Коран в кратком изложении (Ms. 11/9402; ранее T-5) из Национальной библиотеки Испании [Galmés de Fuentes, 1998. P. 67].

⁷ Gottheil, R., Hirschfeld, H. Ka'b al-Ahbar // Jewish Encyclopedia. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/>.

2014. P. 201]. Предполагается, что сцена плача Йусуфа на могиле матери создана под его влиянием.

Сцена плача в «Поэме о Йусуфе»

В «Поэме о Йусуфе» включена драматичная сцена плача, когда Йусуф, будучи проданным в рабство, ускользает от стражи во время стоянки каравана и приходит на могилу матери:

Сцена у могилы	
В рукописи Ms. 11/9409 [Menéndez Pidal, 1902. P. 14]	В транскрипции Р. Менендеса Пидалья [Menéndez Pidal, 1902. P. 34–35]
Строфа 46	
دِي شَلْت دَالْقَمَالُ ذَاب قَبْلَعْدُ لُشَانِي ٱلنَّاعِرُ كَأ لَيْبِ غُورِ دَنْدُ دَكِي كَأ يُوْسُفَ ٱلنَّبِيَّارَ لَكَدَانَ رَشْتَنْدُ فُوَاشَا بَر لُفُوَاشَ دَا شُمْدُرَا لُرَنْدُ	Di'yo xalto del çamello ⁸ do iba çabalgado, no lo xenti'yo el negro ke lo 'iba gu'ardando, daki ^y -a a ke Yūçuf en ti'yera, la cadena rraxtando, fu ^w exe para la fu ^w exa de xu madre lorando.
Строфа 47	
دِي شُ مَدْرَا شَانَر بَارْدَنْتَ ٱلْقَرِيْدُرُ مَدْرَا شَا مَا بَايَاشَانَشَا دَا مَ ٱبْرَشَ ٱتَاشَ دَلُرُ لِيَابِنُ مَا كَتِيْبُ فُنْ شَانَرُ بَانْدِيْدُ مَا اَنْ مِشَ ٱرْمِشْ فُمُ قَرَانُ دَا تَرِيْدُرُ	Dixo: madre señora, perdónate el k'i'ador! madre, xe me beyextex, de mi abrixtex dolor; li'yeban me katibo çon xeñor, bendido me an mix ermanox, komo fazen de t'aydor;
Строфа 48	
ٱلشَ مَا اَنْبَانْدِيْدُ نُنْ تَاتِيَانْدُلَاشَ نُوَارْتُ بَرْتِيَارُ مَا دَا مَ بَدْرَا اَنْنَا كَأ فُوَاشَا مُوَارْتُ فُنْ اَرْثُ اِ كُنْ فُلْشِي ٱلشَ مَا ٱبْيَارُنْ سُوَالْتُ بُرُ مَلْ بَارَاسِي مَا بَانْدِيَارُنْ شَانَسْدُ اِ قَتِيْبُ	elox me han bendidu non teni'yendolex tu ^w erto; parti'yerome de mi padre, ante ke fu ^w axe mu ^w erto, çon art i kon falxi'a ellox me obi'yeron çu ^w elto, por mal p'reçi'yo me bendi'yeron, xo axado i katibo.

Сцена у могилы отсутствует и в Коране, и в Ветхом Завете [Menéndez Pidal, 1902. P. 58]. Дж. Тикнор считал эту сцену находкой автора. К оригинальным чертам поэмы он относил также беседу Йакуба (отца Йусуфа) с волком, которого братья обвинили в убийстве Йусуфа; сосуд, которым Йусуф отмерял пшеницу, и др. [Ticknor, 1851. P. 103]. Подчеркивая уникальность поэмы, Дж. Тикнор поместил ее первой в хрестоматии неизданных стихов в приложении к четвертому тому «Истории испанской литературы» [Ticknor, 1856]. Сцену у могилы Дж. Тикнор привел в описании поэмы в первом томе⁹ [Ticknor, 1851. P. 103–104].

Сцена у могилы	
В переложении на испанский Дж. Тикнора [Ticknor, 1856. P. 103–104]	В переводе на русский (О. Т.)
Строфа 46	
Dio salto del camello, / do iba cabalgando; no lo sintió el negro, / que lo iba guardando,	Соскочил он с верблюда, на котором ехал. Не услышал его негр, который охранял его.

⁸ В позднем списке (Ms. Res. 247) вместо camello (исп. «верблюд») – camella (исп. «верблюдица»).

⁹ В первом томе Дж. Тикнор привел шесть строф из этой сцены.

fuese á la fuesa de su madre, / á pedir la perdón doblando,	Пошел он к могиле своей матери попросить у нее прощение, поклонившись.
Iusuf á la fuesa / tan apriesa llorando.	Йусуф к могиле прижался, рыдая.
Строфа 47	
Diciendo; “Madre, señora, / perdonos el sennor; madre, si mi bidieses, / de mi abriais dolor; boi con cadena al cuello, / caibo con señor, vendido de mis hermanos, / como si fuera traidor.	Говоря: «Мама, госпожа, прости Вас Гос- подь, Мама, если бы вы меня видели, вам бы ста- ло горько за меня. Я иду с цепью на шее, с господином, проданный своими братьями, как если бы я был предатель.
Строфа 48	
Ellos me han vendido, / no teniéndoles tuerto; patieronme de mi padre; / ante que fuese muerto; can arte, con falsia, / ellos me obieron buelto; por mal precio me han vendido / por do boy ajado é cueito.”	Они меня продали, я не держу на них оби- ды, разлучили меня с моим отцом до того, как он умер, искусно, лукаво, они меня вырвали [от не- го]. За малую цену меня продали, куда я теперь иду, увядший и понурый».

Позднее было установлено, что сцена не является оригинальной; как и другие сцены, указанные Дж. Тикнором как самобытные, она восходит к иудейским апокрифам. Ее, вместе с некоторыми другими деталями поэмы, такими как письмо о продаже Йусуфа, описание дворца Зулейхи и др., относят к влиянию Ка’ба аль-Ахбара [Menéndez Pidal, 1902. P. 59].

Паскуаль де Гайангос, составивший комментарий к труду Дж. Тикнора, дал довольно резкую оценку оригинальности поэмы: «...если мы не ошибаемся, ее автор только лишь переложил кастильским стихом одну из многочисленных версий этой популярной среди морисков истории» [Gayangos, 1856. P. 421]. Р. Менендес Пидаль, развивая эту мысль, высказался еще более решительно: «На самом деле, воображение мориска играет последнюю роль. Иначе и быть не могло, так как его цель состояла в том, чтобы изложить стихами историю, утвержденную авторитетом вековой традиции, которая, будучи проработанной до мельчайших подробностей, не позволяла иных вымыслов. Мориск ничего не мог задумать сочинить. Он должен был взять всё из арабских письменных источников. Да и сами арабские авторы придумали немного» [Menéndez Pidal, 1902. P. 59].

Такая оценка кажется нам необоснованно суровой. Плач Йусуфа на могиле матери не может быть объяснен только лишь влиянием апокрифов. В этой сцене прослеживается, на наш взгляд, влияние и арабской классической поэзии. Элегия на могиле старшего поколения не характерна для арабской поэзии, в то время как плач во время стоянки каравана является традиционным для арабской классической поэзии.

Жанр плача в арабской поэзии аль-Андалуса

Тема плача была характерна для арабской поэзии. Этот вывод подтверждается тем, что традиционная арабская *касыда*, чей канон сформировался еще в доисламский период арабской истории, начинается словами: «Постойте, поплачем». Считается, что зачин восходит к творчеству Имру-уль-Кайса (VI в.). Этими словами начиналась его знаменитая *му’аллака*, признанная как образец поэтического совершенства в Средние века [ИВРАН, 1997. С. 16]. Тогда эта *касыда* считалась в арабском мире «непревзойденным шедевром» и даже «художественным эталоном». Когда арабы давали оценку поэтическому произведению, они говори-

ли: «Это более прекрасно, чем касыда “Постойте! Поплачем!”», «Это еще более известно, чем касыда “Постойте! Поплачем!”» [Фильштинский, 1985. С. 73]. Структура *касыды* в том виде, в каком она сложилась в творчестве Имру-уль-Кайса, впоследствии стала обязательным каноном арабской классической поэзии [ИВРАН, 1997. С. 16].

Как пишет И. Ю. Крачковский, поэтические формы *касыда* и *мукатта'а* пришли в Испанию с Востока уже в готовом виде. В свою очередь, в Испании родились два новых жанра арабской поэзии – *мувашишах* и *заджал*, – которые потом распространились на Восток. Первые упоминания об этих новых формах относятся к началу X в., их расцвет приходится на XII в. «Несмотря на кажущуюся простоту, арабская поэзия в Испании – сложное явление, переживавшее различные фазы, иногда существовавшее в параллельных, на первый взгляд противоречивых, формах. Попытка вспомнить неустойчивые политические судьбы Андалусии, быть может, несколько поможет уловить основную линию развития поэзии в разных культурных центрах полуострова» [Крачковский, 1956б. С. 475].

Он отмечает также некоторые геокультурные особенности проникновения жанра плача в Андалусию, указывая на то, что образ пальмы был тогда еще чуждым в Испании. «Когда первый омейядский эмир в Испании 'Абд ар-Рахман, спасшийся после гибели (в 750 г.) своей династии на Востоке, – говорит он, – воспевал в сентиментальных стихах увиденную им здесь пальму-чужестранку, то не только он сам и эта пальма были чужды Андалусии» [Крачковский, 1956б. С. 475]. Разумеется, стихи, в которых он ее воспевал, также были еще чуждыми, поскольку известно, что андалусская лирика достигла своего полного развития значительно позже, «только к X в., к эпохе провозглашения халифата в Кордове» [Крачковский, 1956б. С. 475].

Начало истории андалусской поэзии традиционно связывают с упомянутым выше омейядским эмиром Абд ар-Рахманом I (755–788), современником Роланда (уб. в 778 г.). Его правление открывает и страницу самостоятельной истории Андалусии, уже не подчиненной восточному халифату [Крачковский, 1956б. С. 481]. Именно ему принадлежит знаменитое плач-обращение¹⁰ к пальме¹¹-чужестранке¹² в Русафе около Кордовы:

О пальма, ты, как и я, чужестранка на западе, далеко от своего корня!

Плачь же! Но разве может плакать поникшая главою, немая, в природе которой нет моего расстройства?

Если б она зарыдала, то плакала бы о водах Евфрата и пальмовой роще.

Но она безучастна – ведь и меня злора к сынам 'Аббаса заставила забыть про семью.

[Крачковский, 1956б. С. 481].

Так же печально Абд ар-Рахман обращается в стихах к родным, оставшимся на Востоке:

О всадник, направляющийся в мою землю! Передай привет от одной моей части другой.

Ведь тело мое, как ты видишь, в одной земле, а сердце и властители его в другой.

Суждена была нам разлука, и мы расстались: разлука унесла сон от моих век.

Судил Аллах нам удалиться; быть может судит он нам сблизиться.

[Крачковский, 1956б. С. 481–482]

Тема плача о покинутой стоянке в арабской *касыде* развилась в плач по оставленным городам. Шедевром этого жанра считаются произведения аль-Андалуса. После падения Кор-

¹⁰ По наблюдению И. Ю. Крачковского, эти стихи напоминают обращение к двум пальмам в Хульване (в Месопотамии) Мути ибн Ийаса (ум. ок. 787 г.), современника эмира Абд ар-Рахмана I. Однако ученый убежден в том, что знать друг друга они не могли [Крачковский, 1956б. С. 481].

¹¹ Считается, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» было вдохновлено пальмовой ветвью, привезенной с Востока А. Н. Муравьевым [Крачковский, 1956а. С. 317].

¹² У И. В. Гете среди большого числа стихов на восточные темы, также есть обращение к пальме-чужестранке. Вероятно, И. В. Гете, как и другие поэты романтической эпохи, основывал свои творения на переводах с арабского, выполненных французским ориенталистом Дербело Бартоломео (1625–1695) и опубликованных в его фундаментальном труде *Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient* (1697 г.). Однако ответ на вопрос, знал ли И. В. Гете стихи о пальме-чужестранке арабских поэтов из аль-Андалуса, требует дополнительного исследования.

довы в 1236 г. и Севилья в 1248 г. только Гранада смогла выстоять еще два века. Арабы осознали свою обреченность, их излюбленной поэтической формой стала элегия. Один из наиболее знаменитых плачей по оставленным городам принадлежит арабскому ученому и поэту из Андалусии Салиху ар-Ронди¹³ (1204–1285) [Крачковский, 1956б. С. 505]. В элегии несколько философского характера он приводит перечень городов, павших под ударами Реконкисты:

У всякой вещи, как только она завершится, наступает ущерб; пусть не обольщается человек благополучием жизни!

Все дела, как ты видел, переменчивы; кого радовало какое-нибудь время, того же опечалят другие времена.

<...>

Спроси Валенсию, как состояние Мурсии и где Шатива или где Хаэн?

И где Кордова, обиталище наук? У скольких ученых возвышался там сан!

И где Химс (Севилья)¹⁴ со всеми своими прогулками и его река приятная с разливом и полноводием?

Все – столицы, что были столпами страны. Как же существовать, если не осталось столпов?

Плачет белое ханифство (ислам) от печали, как плачет от разлуки с другом влюбленный, –

(Плачет) по странам, что лишились ислама; опустели они, но заселены неверием,

Где мечети стали церквами, – в них только била и кресты.

<...>

О, кто сжалится над унижением народа после славы их! Состояние их изменили неверие и заблуждение!

Вчера были они царями в своих домах, а сегодня они рабы в странах неверия.

<...>

И если бы ты увидел их плач при продаже их, – тебя бы ужаснуло событие и взволновали бы печали.

<...>

Из-за этого сердце тает от печали, если есть в сердце ислам и вера.

[Крачковский, 1956б. С. 505–506].

Стихи Салиха ар-Ронди звучат эпитафией арабскому владычеству в Испании, описывая его как время расцвета истинной веры, наук, культуры и искусств и ассоциируя новых «хозяев» с варварами. Форма его произведения не является, однако, новой; она напоминает своим построением плач Ибн 'Абдуна на падение Афтасидов. Отличие лишь в тональности: стихи ар-Ронди окрашены в более мрачные тона [Крачковский, 1956б. С. 505]. Стоит заметить, что на Ближнем Востоке тема плачей по разрушенным городам была известна еще в неошумерской поэзии. Некоторые ученые возводят этот жанр к шумерским литургическим lamentациям, самые ранние из которых восходят ко второму тысячелетию до Р. Х. [Rostom Maderna, 2005. P. 110]. Стихи же ар-Ронди были написаны в середине XIII в., а «Поэма о Йусуфе» относится к концу этого столетия [Menéndez Pidal, 1982. P. 340].

Примечательно, что за несколько веков до арабского поэта, неизвестный христианский поэт отозвался на падение Испании необычным плачем в «Мосарабской хронике» 754 г. Предположительно, ее автор был деятелем церкви. В описании трагических для христиан событий 711 г. повествование прерывается стихами, известными как плач о «Потере Испании» (исп. *Pérdida de España*):

Pérdida de España [цит. по López Pereira, 1991. P. 73–75]	Плач о «Потере Испании» (О. Т.)
¿Quién podrá, pues, narrar tan grandes peligros?! ¿Quién podrá enumerar desastres tan lamentables?! Pues aunque todos sus miembros se convirtiesen en lengua, no podría de ninguna manera la naturaleza humana	(исп.) Кто сможет поведать столь большие беды? Кто сможет перечесать несчастья столь горькие? Хотя бы все ее жители превратились в язык, не смогла бы никоим образом человеческая природа передать раз-

¹³ Абу-л-Бака Салих ар-Ронди (1204–1285) – арабский литератор, медик и математик, уроженец Ронды (Андалусия) [Крачковский, 1956б. С. 505].

¹⁴ Уточнения в скобках были сделаны переводчиком стихотворения И. Ю. Крачковским.

<p>referir la ruina de España ni tantos y tan graves males como ésta soportó. Pero para contar al lector todo en breves páginas, dejando de lado los innumerables desastres que desde Adán hasta hoy causó, cruel, por innumerables regiones y ciudades, este mundo inmundo, todo cuanto según la historia soporto la conquistada Troya, lo que aguantó Jerusalén, según vaticinio de los profetas, lo que padeció Babilonia, según testimonio de las Escrituras, y, en fin, todo cuanto Roma enriquecida por la dignidad de los apóstoles alcanzó por sus mártires, todo esto y más lo sintió España tanto en su honra, como también de su deshonor, pues antes era atrayente, y ahora está hecha una desdicha.</p> <p>144 слова 751 знак без проб. 895 знак с проб.</p>	<p>гром Испании, ни большие и страшные (беды), какие ей пришлось пережить. Но чтобы поведать читателю всё на нескольких страницах, оставив в стороне многочисленные беды, что со времен Адама до сегодня вызвал по бесчисленным областям и городам этот жестокий и отвратительный мир; всё, что согласно историкам вынесла завоеванная Троя; то, что пережил Иерусалим, согласно предсказаниям пророков; то, что выстрадал Вавилон, согласно свидетельствам Писания; и, наконец, всё, что Рим, обогащенный достоинством апостолов, достиг через своих пророков, – всё это и более того испытала Испания, как к своей чести, так и к своему бесчестию. Прежде она была привлекательной, а ныне превратилась в ничто.</p> <p>127 слов 751 знаков без проб. 880 знаков с проб.</p>
---	---

Если арабский поэт из аль-Андалуса, взывающий о помощи, слабо верит в возможность спасения, то судьба поэта-мориска еще безнадежнее – он оказался пленником в стране, ставшей родной.

2 января 1492 г. последний эмир Гранады Абу Абдала Мохаммед XI Боабдилл без боя сдал Гранаду Фердинанду и Изабелле. По легенде, покидая город, он в последний раз обернулся на Гранаду с высоты горного перевала и заплакал. Его мать Аиша сказала: «Ты хорошо делаешь, сын, оплакивая, как женщина, то, что не способен был защитить, как мужчина» (исп. «*Bien haces, hijo, en llorar como mujer lo que no fuiste para defender como hombre*»).¹⁵ Однако эта фраза стала более известна в варианте: «*Llora como mujer lo que no supiste defender como hombre*» (исп. «Оплакивай, как женщина, то, что не сумел защитить, как мужчина»), отрывающемся от конкретного исторического события и подчеркивающим ее вневременной сугубо мужской морально-этический характер. Легенда получила известность благодаря путеводителю по окрестностям Гранады, изданному падре Хуаном де Эчеверрией в сер. XVIII в. Согласно путеводителю именно после этих событий известный в Испании горный перевал получил название «Вздых мавра» (исп. *El Suspiro del Moro*) [Echeverría, 1814. P. 28].

Когда в XVI веке произошло массовое изгнание морисков (в 1609 г. при Филиппе III из Испании были высланы последние 500 000), они не хотели покидать Испанию, поскольку считали ее родной. Вынужденные тем не менее уходить, мориски уносили ключи от своих домов, куда они надеялись скоро вернуться, и свои книги. На листе одной из них сохранилась заметка (1533 г.): «Мы не уйдем, мы скорее умрем... чем по этому пути пойдем» (исп. «*Nosotros no partiremos, antes morremos... que por ese paso vamos*») [Mateos Paramio, 2014. P. 21].

¹⁵ Высказывание стало столь популярным, что его можно встретить даже в политических речах Эрнесто Че Гевары (например, во второй речи в ООН от 11 декабря 1964 г).

Влияние христианской литературы

Нужно также остановиться на стихотворной форме, в которой создана «Поэма о Йусуфе»: это «куадерна виа» (исп. *cuaderna vía*), которая представляет собой форму так называемой «ученой поэзии» (исп. *mester de clerecía*). Действительно, испанский термин *cuaderna vía* восходит к латинскому *quadrivium* (= *quattuor* + *vía*, т. е. перепутье четырех дорог, перекресток). В средневековье этот термин обозначал четыре дисциплины: арифметику, музыку, геометрию и астрономию, которые вместе с еще тремя дисциплинами – грамматикой, риторикой и диалектикой – составляли систему университетских дисциплин [DRAE, 2014. P. 671, 672, 1823, 2176, 2236]. Поэтическая форма «куадерна виа», разрабатываемая в средневековой Испании духовенством и учеными людьми, состоит из серии монорифмических четверостиший александрийского стиха (7 + 7). «Куадерна виа» использовалась преимущественно в XIII–XIV вв. [DRAE, 2014. P. 2236] и была при этом противопоставлена народной поэзии хугларов и кантаоров (исп. *mester de joglaría*) [DRAE, 2014. P. 1453; Blecua, 1944. P. 21].

«Ученое искусство», возникшее на основе античных или библейских сюжетов и религиозных легенд, первоначально создавалось на латинском языке. Одним из первых, кто начал писать в форме «куадерна виа» на романсе, был монах Берсео [Blecua, 1944. P. 21]. В форме «куадерна виа» написано много церковных сочинений: *Vida de San Ildefonso*, *Libro de miseria de omne*, *Proverbios de Salomón*, *Proverbios morales*, *Libro de buen amor*, *Libro rimado de palacio* и др. [Valero Moreno, 2008. P. 69].

Однако автор «Поэмы о Йусуфе» не слишком придерживается канона этой строгой поэтической формы: в его тексте четырехстишия чередуются с трехстишиями. В. Барлета отмечает, кроме того, что причина заимствования морисками формы «куадерна виа» до сих пор неясна. Возможно, их привлекла ассоциация этой формы с ученостью, почитание которой заметно по упоминанию в поэме знаменитого Кордовского университета как «обиталища (арабских) наук». Остается еще прояснить множество вопросов: какова связь «Поэмы о Йусуфе» с другими поэмами, написанным в этой форме? Каковы причины обращения морисков к форме «куадерна виа» на протяжении XVI в.? Сама постановка этих вопросов указывает на сложные связи между мусульманами и христианами в средневековой Испании [Barletta, 2010. P. 216–217. Подробнее см. Тихонова, 2018].

Заключение

«Поэма о Йусуфе» (исп. *Poema de Yúçuf*) – одно из наиболее известных произведений литературы на алхамиадо, созданное неизвестным автором-мориском в кон. XIII – нач. XIV в. Несмотря на преследования инквизицией владельцев книг на арабском языке, который ассоциировался с тайной практикой ислама, «Поэма о Йусуфе» сохранилась в двух списках.

Сюжет об Иосифе Прекрасном был наиболее распространенным среди морисков. Эта история существовала в бесконечных вариантах устной традиции. Несмотря на то что исследователи часто сводят происхождение «Поэмы о Йусуфе» к двум источникам – Корану и Библии, – в тексте прослеживаются и другие влияния, в том числе комментариев к этим книгам. Библейская история дополнялась иудеями в апокрифах, которые в свою очередь подверглись мусульманскому влиянию. Многие детали поэмы, отсутствующие и в Коране, и в Ветхом Завете, исследователи относят к влиянию Ка'б аль-Ахбар, который считается также автором «Рассказа о Йусуфе». К его влиянию относят и сцену плача у могилы в «Поэме о Йусуфе».

Благодаря публикации Дж. Тикнора (1856 г.), считавшего поэму уникальной, она получила широкую известность. Однако поздними исследователями не только отрицалась оригинальность многих деталей поэмы, но и был вынесен суровый приговор ее самобытности вообще, приписывавший все влиянию иудейских апокрифов.

Исследователи не отметили существенного влияния доисламской арабской поэзии, получившей развитие в аль-Андалусе. Сцена плача в «Поэме о Йусуфе» очевидно подверглась влиянию арабской средневековой *касыды*. Тема плача о покинутой стоянке в арабской *ка-*

сыде развилась в плач по оставленным городам. Шедевром этого жанра считаются произведения аль-Андалуса. Противоречивые политические судьбы аль-Андалуса находят отражение в сложных параллелях в поэзии ее народов, в том числе и в знаменитом плаче христиан о «Потере Испании» (754 г.) из «Мосарабской хроники».

В целом, автор «Поэмы о Йусуфе», несомненно, создал трогательный образ главного героя, который полюбился морискам, а зачин поэмы был позаимствован анонимным автором еще одной поэмы на алхамиадо. Образ героя испанских мусульман, сложившийся в кон. XIII – нач. XIV в., отличается от образа героя испанских христиан в «Песнях о моем Сиде» (исп. *Cantar de mio Cid*) (кон. XII – нач. XIII в.), памятнике испанской литературы, созданном столетием раньше. Герой морисков претерпевает множество злоключений, заканчивающихся для него благополучно. Популярность сюжета могла быть связана с тем, что автор и читатель ассоциировали себя с главным героем, изгнанником на чужбине, чья участь зависит от других людей, но чья верность Всевышнему и преданность Его воле приводят героя к признанию и благополучному разрешению его судьбы. Эту покорность судьбе можно встретить в многочисленных заметках, сохранившихся в рукописях морисков.

Благодаря публикации Дж. Тикнора «Поэма о Йусуфе» стала известна как уникальный образец «амальгамы элементов восточной и западной цивилизации, которые позже были отражены в испанской поэзии» [Ticknor, 1851. P. 105].

Список литературы

- Воевуцкий И. Н.** Орфографические принципы конфессиональных языков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Часть 2. М.: ГРВЛ, 1987. С. 53–56.
- ИВРАН.** Основные произведения иностранной художественной литературы. Азия. Африка. М.: Азбука, Терра, 1997. 606 с.
- Крачковский И. Ю.** Песнь арабского солдата (1927) // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1956а. Т. 2. С. 317–322.
- Крачковский И. Ю.** Арабская поэзия в Испании (1940) // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1956б. Т. 2. С. 470–523.
- Крачковский И. Ю.** Коран: научное издание. М.: Наука, 1990.
- Тихонова О. В.** К вопросу об авторстве текста «Поэмы о Йусуфе» в литературе алхамиадо // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15, № 4. С. 70–77.
- Тихонова О. В., Шакунова Л. А.** Первый перевод Корана на испанский и рукопись T 235 // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16, № 2. С. 63–74.
- Фильштинский И. М.** История арабской литературы. V – начало X века. (Истории литератур Востока). М.: Наука, 1985. 528 с.
- Barletta, V.** Poema de Yúçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 215–217.
- Blecua, J. M.** Historia de la Literatura Española. Zaragoza: Librería General, 1944, 250 p.
- DRAE.** Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: 300 años. Madrid: Espasa, 2014, 2432 p.
- Echeverría, J. de.** Paseos por Granada y sus contornos, ó Descripción de sus antigüedades y monumentos. Granada: Valenzuela, 1814, Vol. 2. 458 p.
- Galmés de Fuentes, A.** Los manuscritos aljamiado-morisicos de la Biblioteca de la Real Academia de la Historia (Legado Pascual de Gayangos). Madrid: RAH, 1998, 234 p.
- García-Arenal, M.** La Inquisición y los libros de los moriscos. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 57–72.
- Gayangos, P. de.** Notas y Adiciones. In: Ticknor, G. Historia de la Literatura Española / Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, 1856, vol. 4, p. 397–431.

- López Pereira, J.** Crónica Mozárabe de 754. Edición crítica y traducción al español de José López Pereira. Zaragoza: Anubar, 1991, 180 p.
- Mateos Paramio, A.** Palabras más perdurables que las casas. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 17–26.
- Menéndez Pidal, R.** Crestomatía del Español Medieval. Madrid: Gredos, 1982, viii + 363 p.
- Menéndez Pidal, R.** Poema de Yúçuf. Madrid, 1902, 88 p.
- Montaner Frutos, A.** La literatura aljamiada // Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 45–56.
- Morf, H.** El Poema de José. Leipzig, 1883, 65 p.
- Rostom Maderna, S.** Lamentos neosumerios por ciudades destruidas. Continuidad de un rito y un género del período protodinástico hasta el período selúcida. *Antiguo Oriente*, 2005, vol. 3, p. 105–118.
- Sánchez T.A., Pidal P.J., Janer F.** Poema de José. Poetas castellanos anteriores al siglo XV. Ser. Biblioteca de autores españoles. Madrid: Rivadeneyra, 1864, p. 413–423.
- Schmitz, M.** Ueber das altspanische Poema de José. In: Romanische Forschungen. Erlangen: Fr. Junge, 1901, vol. 11, p. 315–411.
- Ticknor, G.** Historia de la Literatura Española. Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, Imprenta y Estereotipia de M. Rivadeneyra, 1851, vol. 1, 580 p.
- Tottoli, R.** Recontamiento de Yuçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 200–201.
- Valera Moreno, J. M.** La biblia en la cuaderna vía del siglo XIV. In: La Biblia en la literature española, dir. Gregorio del Olmo Lete; I. Edad Media. I/1. El imaginario y sus géneros, coord., María Isabel Toro Pascua, Madrid: Editorial Trotta – Fundación San Millán de La Cogolla, 2008, p. 69–123.

References

- Barletta, V.** Poema de Yúçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 215–217.
- Blecua, J. M.** Historia de la Literatura Española. Zaragoza: Librería General, 1944, 250 p.
- DRAE.** Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: 300 años. Madrid: Espasa, 2014, 2432 p.
- Echeverría, J. de.** Paseos por Granada y sus contornos, ó Descripción de sus antigüedades y monumentos. Granada: Valenzuela, 1814, Vol. 2. 458 p.
- Filshinsky, I. M.** History of Arabic literature. V–X century. Moscow, Nauka, 1985, 528 p. (in Russ.)
- Galmés de Fuentes, A.** Los manuscritos aljamiado-moriscos de la Biblioteca de la Real Academia de la Historia (Legado Pascual de Gayangos). Madrid: RAH, 1998, 234 p.
- García-Arenal, M.** La Inquisición y los libros de los moriscos. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 57–72.
- Gayangos, P. de.** Notas y Adiciones. In: Ticknor, G. Historia de la Literatura Española / Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, 1856, vol. 4, p. 397–431.
- IOSRAS (IVRAN).** Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Basic works of foreign literature. Asia. Africa. Moscow, Azbuka, Terra, 1997, 606 p. (in Russ.)
- Krachkovsky, I. Yu.** Arabic poetry in Spain (1940). In: I. Yu. Krachkovsky. Selected works in 6 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1956, p. 470–523. (in Russ.)
- Krachkovsky, I. Yu.** Song of the Arab Soldier (1927). In: I. Yu. Krachkovsky. Selected works in 6 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1956, p. 317–322. (in Russ.)

- Krachkovsky, I. Yu.** Quran: Scientific Edition. Transl. and comments by Krachkovsky I. Yu. Moscow, 1990. (in Russ.)
- López Pereira, J.** Crónica Mozárabe de 754. Edición crítica y traducción al español de José López Pereira. Zaragoza: Anubar, 1991, 180 p.
- Mateos Paramio, A.** Palabras más perdurables que las casas. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 17–26.
- Menéndez Pidal, R.** Crestomatía del Español Medieval. Madrid: Gredos, 1982, viii + 363 p.
- Menéndez Pidal, R.** Poema de Yúçuf. Madrid, 1902, 88 p.
- Montaner Frutos, A.** La literatura aljamiada // Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 45–56.
- Morf, H.** El Poema de José. Leipzig, 1883, 65 p.
- Rostom Maderna, S.** Lamentos neosumerios por ciudades destruidas. Continuidad de un rito y un género del período protodinástico hasta el período selúcida. *Antiguo Oriente*, 2005, vol. 3, p. 105–118.
- Sánchez T.A., Pidal P.J., Janer F.** Poema de José. Poetas castellanos anteriores al siglo XV. Ser. Biblioteca de autores españoles. Madrid: Rivadeneyra, 1864, p. 413–423.
- Schmitz, M.** Ueber das altspanische Poema de José. In: Romanische Forschungen. Erlangen: Fr. Junge, 1901, vol. 11, p. 315–411.
- Ticknor, G.** Historia de la Literatura Española. Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, Imprenta y Estereotipia de M. Rivadeneyra, 1851, vol. 1, 580 p.
- Tikhonova, O. V.** About the Authorship of the “Poema de Yusuf” in Aljamiado Literature. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2018, № 4 (15), p. 70–77. (in Russ.)
- Tikhonova, O. V., Shakunova, L. A.** The First Quran translation into Spanish and manuscript T 235. *Pis'mennye pamjatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, № 2, p. 63–74. (Russ.)
- Tottoli, R.** Recontamiento de Yuçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 200–201.
- Valera Moreno, J. M.** La biblia en la cuaderna vía del siglo XIV. In: La Biblia en la literature española, dir. Gregorio del Olmo Lete; I. Edad Media. I/1. El imaginario y sus géneros, coord., María Isabel Toro Pascua, Madrid: Editorial Trotta – Fundación San Millán de La Cogolla, 2008, p. 69–123.
- Voevutsky, I. N.** Orthographic principles of confessional languages. *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka*, 1987, № 2, p. 53–56. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
23.08.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Тихонова Оксана Викторовна, канд. филологических наук, ассистент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Oxana V. Tikhonova, Assistant Professor of the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

pajaro@mail.ru
ORCID 0000-0002-7329-7250